

ХАРАКТЕРИСТИКА МОГИЛЬНИКА

ПЛАНИГРАФИЯ И СТРАТИГРАФИЯ

Речь может идти скорее о наблюдениях над элементами планиграфии могильника, нежели об окончательных выводах. Это обусловлено особенностями раскопа: в его северо-восточной части нами доследовались только разрушенные траншеей погребения, сохранившиеся частично; в юго-западной части раскоп был расширен до 5,0 м, что дало возможность проследить особенности группировки могил.

Прежде всего, для могильника характерно расположение могил рядами, ориентированными по линии север – северо-запад – юг – юго-восток (см. вкладыш).

Наиболее выразительна группа из восьми погребений в юго-западной части раскопа: № 10 (табл. 5, 4); 11 (табл. 6, 1); 14–16 (табл. 7, 5; 8, 7); 18–21 (табл. 9; 10, 1). Парное погребение 11 выделяется из этого ряда, оно смещено к юго-западу. Не исключено, что его особое положение связано с необычным для могильника ритуалом подхоронения второго покойника со смещением костяка первого погребенного.

Один ряд просматривается в расположении могил № 29 и № 39, находящихся к юго-западу от описанного ряда, у короткой стенки раскопа. Четыре ряда расположены к северо-востоку (перечислены по мере удаления от самой выразительной группы из восьми могил): погребения № 25 и 36; № 12 и 17; № 26 и 27; № 41 и 42.

Не являются ли эти ряды с разреженным расположением могил родовыми участками кладбища? При этом могилы, безусловно, должны были на поверхности как-то маркироваться.

В юго-западной части траншеи также фиксировался один четкий ряд из семи могил – № 23, 24, 30, 35–37, 40.

Для выявления стратиграфии могильника были зачищены западный-северо-западный борт траншеи и, как его продолжение, – западный-северо-западный борт участка раскопа. Разрез (см. вкладыш) не выявил особенностей сооружения могильных ям. Слой чернозема имеет мощность 0,7–0,8 м, верхняя часть его распахана, толщина пахотного слоя 0,3–0,4 м.

Нижний слой чернозема переходит в предматериковую супесь буро-коричневого цвета, мощность которой 0,1–0,2 м, ниже идет слой материка. В южной части раскопа, предматериковый слой состоит из намывтого речного песка с незначительной примесью лессовой глины. Этот слой мог образоваться в результате изменений русла реки.

Погребальный обряд

Все погребения могильника Аушедз отличаются устойчивой ориентировкой погребенных черепом к юго-западу. Незначительные отклонения в несколько градусов можно объяснить сооружением могил в разное время года. Общей чертой погребений является отсутствие в ямах каких-либо конструкций и даже простых органических подстилок на дне под костяками. Последнее обстоятельство может

быть связано с плохой сохранностью органики в супеси первой террасы реки.

Погребенные лежат вытянуто на спине, кости ног параллельны, лишь в нескольких случаях сведены в коленных суставах. В погребении 2 зафиксирован единственный случай, когда ноги погребенного были согнуты в коленных суставах и установлены вертикально.

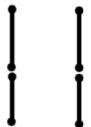

Положение костей рук	Пол			Номера погребений (всего)
	М	Ж	?/juv	
	3	6	-/3	7Б, 10, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 32, 38, 39, 40 – (12)
	-	-	-/1	29 – (1)
	2	-	-	2, 3 – (2)
	1	-	-	41 – (1)
	4	-	-	13, 14, 27, 35 – (4)
	3	-	-	15, 22, 36 – (3)
	1	-	-/1	28, 42 – (2)
?	7	3	-/4	1, 4, 5, 8, 7А, 9, 12, 21, 25, 30, 31, 33, 34, 37 – (14)

Рис. 1. Положение рук погребенных:
(-) – не определено; juv – подростки

Большая часть погребенных лежала с руками, вытянутыми вдоль туловища, почти у трети костяков положение рук не восстанавливается. У остальных положение рук удивительно разнообразно (рис. 1).

Даже в небольшом количестве исследованных на могильнике погребений заметно различие в положении рук погребенных мужчин и женщин. Из костяков с вытянутыми вдоль туловища руками $\frac{2}{3}$ составляют захоронения женщин. Все погребения, в которых фиксировалось различное положение рук, принадлежат мужчинам. Таких насчитывается 11, и еще в двух могилах были захоронены подростки, пол которых не определялся. Женских захоронений с руками согнутыми в локтевом суставе, среди исследованных могил нет.

В трех могилах – № 11, 20 и 26 (табл. 6,1; 10,1; 26,1) – отмечены манипуляции с отдельными костями скелетов. Интересно, что все эти погребения принадлежали женщинам.

В парном (?), но разновременном захоронении № 11 (табл. 6, 1) кости первого погребенного (мужчины) были не просто перемещены, а сложены компактно к юго-западу от второго погребенного (женщины). У погребенной женщины Б (табл. 6, 1Б) отсутствующие в могиле кости правой руки были замещены двумя бедренными костями погребенного мужчины А (табл. 6, 1А).

В погребении № 20 фиксировалось намеренное перемещение черепа, нижней челюсти, обеих лопаток и плечевой кости правой руки (табл. 10, 1). Интересно, что погребение № 20 было единственным женским погребением, в инвентаре которого было кресало.

В погребении № 26 (табл. 13, 1) у погребенной женщины были перемещены кости грудной клетки, позвонки и частично кости верхних конечностей.

Все манипуляции с костями: их перемещение, замещение, а в целом обезвреживание покойника, – осуществлялись через какое-то время после погребения, так как никаких следов расчленения тел на костях нет.

ИНВЕНТАРЬ ЗАХОРОНЕНИЙ

Сабли, ножны

Всего было обнаружено пять сабель: две из разрушенных погребений (табл. 19, 1, 2),

третьей сабле, найденной в борте траншеи на противоположном – левом – берегу р. Сухой Аушедз, был дан номер погребения № 6 (табл. 4, 6; 19, 3). Рядом были найдены обломки железных предметов, может быть являющихся частями портупей. Две сабли происходят из мужских погребений № 36 (табл. 16, 9; 19, 5) и № 41 (табл. 18, 6; 19, 4), где они были положены параллельно телу погребенного, острым концом к голове; в погребении № 36 справа, а в № 41 – слева от покойного. В погребении № 41 сабля слева и наконечники стрел справа от погребенного лежали на 0,2 м выше уровня дна. Возможно, могильная яма имела заплечики или специальные ниши-ступеньки для инвентаря, такие, как в погребениях могильника Козинка I в Нижнем Подонье [Белинский, Масловский, 1988, с. 153, рис. 2, 1; 7, 11].

Сабли из Аушедза имеют клинки длиной от 1,02 до 1,22 м. Все они средней степени изогнутости в центральной части, с обоюдоострыми четырехгранными окончаниями клинков. Исследователи отмечают, что увеличение длины сабель до 0,95–1,15 м и степени изогнутости клинка связано с появлением в Северо-Западном Предкавказье золотоордынских кочевников [Схатум, 2008, с. 17].

На всех образцах на режущую часть клинка под перекрестием напущена накладная пластинчатая оковка (табл. 20, 1–3), или сохранились прорезы для ее крепления (табл. 19, 2). Такие оковки выполняли функцию защиты ножен, а иногда и пальцев бойца, они появились в Восточной Европе со «второй волной» пришельцев из Азии в 30-е годы XIII в. и существовали до начала XV в. [Горелик, 2004а, с. 86, 93, рис. 4, 1–6, 9; 5, 1–9]. Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриев считают, что фигурно вырезанные язычки оковок выполняли также декоративную роль, а наибольшее распространение оковки имели в XI–XIII вв. [Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 15]. Однако датировка погребений могильника Аушедз свидетельствует в пользу более поздней даты, установленной М.В. Гореликом.

По типологии Г.А. Федорова-Давыдова сабли из могильника Аушедз можно отнести к типу II отдела Б [Федоров-Давыдов, 1966, с. 23, рис. 3, 1, БII]. Прямое ромбовидное перекрестие с округлыми шишечками на концах асимметричных плеч сохранилось у сабли из погребения № 41 (табл. 20, 2), а с асимметричными плечами, отогнутыми к клинку, – в одном из разрушенных погребений (табл. 19, 2). Сабли с подобными гардами из Убинского могильника датируются XIV – первой половиной XV в. [Схатум, 2012, с. 64, 68, рис. 2, 1].

Подобные сабли широко распространены в погребениях золотоордынского времени в Западном Предкавказье и степном Прикубанье. По совокупности признаков близкими аналогиями саблям из Аушедза можно считать сабли из могильников Цемдолины в Новороссийске [Армарчук, Малышев, 1997, с. 108, рис. 18, 1–5], погребения 1 кургана 12 могильника Азаренский-1 под Джубгой [Баранюк, Сазонов, 2009, с. 115, ил. 318, 8], Убинского могильника [Схатум 2012, с. 68, рис. 2, 1], из кургана Иль-2 в Северском районе [Яцюк 2013, с. 160–161, рис. 2, 1, 2], разрушенного погребения в г. Краснодаре [Зеленский, 1998, с. 143, рис. 1, 1, 6], из могильников на горе Сапун [Армарчук, 2003, с. 268, табл. 102, 43], и реке Пшиш в Адыгее [Носкова, 2005, с. 198, рис. 2, 1, 2].

Распространение к западу от Предкавказья сабель с перекрестиями, концы которых оттянуты к клинку (табл. 19, 2), как и некоторых других типов вооружения, М.В. Горелик считал связанным с переселением черкесов [Горелик, 2004а, с. 93; Горелик, 2004б, с. 294, 296].

Аналогичные сабли характерны как для западных адыгов [Нагоев, 1987, с. 209–210, рис. 16; 17] так и для половцев [Плетнева, 1973, с. 17–18].

Единственный сохранившийся вместе с саблей наконечник ножен из погребения № 41 (табл. 20, 4) можно отнести к варианту 3 типа I по типологии А.В. Евглевского

и Т.М. Потёмкиной [Евглевский, Потёмкина, 2000б, с. 133, 134, рис. 6, 3]. Аналогичной формы наконечники ножен с верхним краем, оформленным симметричными шевронами, были найдены в погребении 2 кургана 1 Цемдолинского могильника [Армарчук, Дмитриев, 2014, рис. 44, 21] и в могильнике Сидоренкова Щель. Последний отличается от нашего рельефным орнаментом в нижней части [Дмитриев, Дружинина, 2018, с. 446, 1Б].

Второй железный наконечник ножен сабли происходит из разрушенного погребения № 4. Втулка овально-уплощенная в сечении, конец тупой, длина 29,2 см (табл. 3, 2). Внутри сохранились остатки дерева от ножен. Наконечник лежал слева от черепа погребенного округлым окончанием вверх, что свидетельствует о положении несохранившейся сабли рукоятью к стопам, как и в могилах № 36 и 41. Наконечник можно отнести к 1 типу длинных железных наконечников ножен с вырезом «уголком» по классификации Е.А. Армарчук и А.А. Малышева, созданной на материалах из средневековых погребений в Цемеской долине [Армарчук, Малышев 1997, с. 97, рис. 18, 7], где подобные наконечники ножен найдены в большом числе курганов [Армарчук, Дмитриев, 2014, курган 3: рис. 46, 8; курган 4, погр. лошадей 1 и 2: рис. 50, 1; 51, 15; курган 7: рис. 54, 14; курган 9: рис. 55, 16; курган 14: рис. 60, 25].

Верхний край нашего наконечника обломан, из-за чего невозможно определить, были ли на нем вырезы. Схожие изделия происходят из погребений с обрядом кремации из курганов в урочище Молоканова щель [Дмитриев и др., 2018, 40, 46, рис. 3, 4], из разрушенных могил у станции Натухаевской [Новичихин, 2018, с. 108, 111, рис. 1, 5]. В могильнике Азаренский-1 вместе с саблей в погребении 1 кургана 12 была найдена верхняя часть такого же наконечника с вырезами по краю [Баранюк, Сазонов, 2009, с. 117, ил. 318, 11]. Подобные находки широко датируются XI–XIV вв.

Колчаны и колчаные наборы

К этой категории наступательного вооружения относятся остатки колчаных петель и наконечники стрел, найденные в пяти погребениях. В тех случаях, когда наконечники стрел были *in situ*, они находились справа от погребенных. Исключение составляет только погребение № 17, но там наконечники находились в заполнении могильной ямы.

В мужском погребении № 4 найдены четыре железных черешковых наконечника стрел: три листовидной формы, ромбовидные в сечении и один крупный, ромбовидной формы, плоский в сечении (табл. 3, 4).

Три черешковых железных наконечника стрел были найдены в заполнении могильной ямы погребения № 17 на 0,2 м выше костей левой кисти подростка (табл. 9, 2).

В женских погребениях № 23 и 37 было по одному ромбовидному в сечении черешковому наконечнику стрелы, листовидной и килевидной формы соответственно (табл. 11, 5; 16, 6).

Двенадцать черешковых наконечников стрел обнаружено в мужском погребении № 41. Семь узких, листовидной формы, уплощенно-линзовидных в сечении с упором-порожком в нижней части пера и без порожка (табл. 18, 5а, б, г, з). Один широкий, ромбовидной формы, уплощенно-линзовидный в сечении с упором-порожком в нижней части пера (табл. 18, 5д). Один ромбовидный в сечении, объемный, перо вытянутой листовидной формы (табл. 18, 5е); один широкий листовидной формы с упором-порожком в нижней части пера, перо плоское, с углублениями в центральной части, в сечении линзовидное, обоюдоогнутое (табл. 18, 5ж); один двурогий жалообразный срезень с упором-порожком в нижней части пера, сечение пера плоское (табл. 18, 5е).

Из разрушенных погребений в коллекции один наконечник широкой, листовидной формы, с упором-порожком в нижней части пера (табл. 21, 4 *нижний*), и второй – плоский

в сечении лопаточковидный срезень с треугольной боевой частью и упором порошком в нижней части пера (табл. 21, 4 *верхний*).

По типологии А.Ф. Медведева наконечники стрел из могильника Аушедз относятся к нескольким типам [Медведев, 1966а, с. 44–63]:

– тип 41: ромбовидные гнездовского типа, с расширением в нижней трети длины пера из погребений № 4 (табл. 3, 4а); № 17 (табл. 9, 2б); № 41 (табл. 18, 5а, б, г, д, з);

– тип 49: ромбический крупный из разрушенного погребения (табл. 21, 4 *нижний*). Такие стрелы использовались для стрельбы по коням противника [Медведев, 1966б, с. 52];

– тип 60: двурогий срезень с упором из погребения № 41 (табл. 18, 5е);

– тип 67: лопаточковидные срезни из погребения № 17 (табл. 9, 2а) и из разрушенного погребения (табл. 21, 4 *верхний*).

Наконечники, отнесенные к типам 60 и 67 чаще использовались для охоты и стрельбы по воинам без защитного доспеха [Медведев, 1966б, с. 59–60].

Граненые бронебойные наконечники стрел представлены двумя типами:

– тип 95: узкие шиловидные или пирамидальные квадратного и ромбического сечения из погребений № 4 (табл. 3, 4б, в, г), № 17 (табл. 9, 2в), № 23 (табл. 11, 5), № 36 (табл. 16, 2), № 41 (табл. 18, 5в);

– тип 97: бронебойный в виде кинжалчика из погребения № 37 (табл. 16, 6).

Наконечники стрел, найденные в могильнике, относятся к типам, широко распространенным с X по XIV в. Возможно, что более крупные, плоские в сечении экземпляры (типы 49 и 67), попали в Восточную Европу и Предкавказье вместе с монголо-татарскими кочевниками [Медведев, 1966б, с. 55–57].

Оригинальный тип наконечника из погребения № 41 с плоским пером с продольными углублениями на оси отличают большие размеры (табл. 18, 5ж). По мнению Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриева, такие наконечни-

ки встречаются только в кремационных погребениях Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв. [Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 22–23, рис. 49, 20; рис. 58, 21–24; рис. 60, 21]. Таким образом, наконечник из могильника Аушедз – первый, найденный в ингумационном погребении. Как и цитированные авторы, мы склонны относить подобные наконечники большого размера к сулицам, которые в «Слове о полку Игореве» упомянуты в описании половецкого воинства [Энциклопедия ... 1995, с. 32].

В мужском погребении № 4, у берцовой кости правой ноги, на расстоянии около 30 см друг от друга найдены две железные колчаные петли. Сохранились следы дерева от колчана, к которому петли крепились (табл. 3, 3).

Колчаные петли с пластинчатыми атташами с заклепками, соединенные горбатой дужкой, датируются очень широко и характерны для разноэтничных средневековых кочевнических погребений. Подобные петли происходят из курганных захоронений в Восточном Приазовье [Дружинина и др., 2011, с. 104, 106, рис. 42, 1–3]; из могильника Кирпили-11 в степном Прикубанье [Туркина, Чхаидзе, 2015, с. 128, рис. 6, 13, 14], в могильнике Цемдолина в Новороссийске [Армарчук, Малышев, 1997, с. 99, рис. 4, 20; рис. 10, 10, 11]. Позже, на материалах курганно-грунтового Цемдолинского могильника были выделены два типа колчаных петель [Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 21]. Петли из погребения № 4 относятся к типу 1 – коротким, с раскованными пластинчатыми концами, которые встречаются в кочевнических погребениях Прикубанья и Восточного Приазовья XII–XIV вв.

К колчанному набору относится также шестилучевая бляха из разрушенного погребения (табл. 21, 2). Размер бляхи ок. 10,0 × 10,0 см. Центральная часть полусферической формы окаймлена плоским бортиком, в центре отверстие для крепления петли с кольцом. От бортика отходят шесть «лучей», которые заканчиваются шайбами

полусферической формы. Три «луча» через один обломаны, один из сохранившихся загнут назад. Бляха интерпретируется как накладка на колчан и датируется XIV в. [Белов, 2012, с. 6]. Одна из таких блях-нашивок происходит из разрушенного грабителями погребения 1 кургана 3 в курганном могильнике Аглосский на нижнем Дону [Новочеркасский музей..., 1982, кат. № 265, табл. 4, 1; Гармашов 2002, с. 218, рис. 1, 15]. Третья аналогичная бляха была найдена в погребении 1 кургана 26 могильника Азаренский-1 [Баранюк, Сазонов, 2009, с. 171, ил. 437, 4; ил. 438]. В отличие от колчаных петель, находки подобных блях, насколько нам известно, исчерпываются приведенными аналогиями.

Боевые ножи

Любой нож мог использоваться как в бою, так и в повседневной жизни, однако к боевым принято относить ножи, длина которых превышает 20,0 см [Кирпичников, 1966, с. 72]. Этим же принципом руководствовался В.А. Тарабанов, который отнес к боевым длинные ножи из Ленинохабльского могильника [Тарабанов, 1984, с. 166].

В могильнике Аушедз массивные ножи с ребром жесткости вдоль спинки и пяты лезвия сопровождали мужские погребения № 15 (табл. 8, б) и № 35 (табл. 15, 4). Обломок лезвия ножа с ребром жесткости вдоль спинки был и в мужском погребении № 13, (табл. 7, 3). В погребении № 15 нож располагался справа от пояса, рядом находились обломок шила, кресало и кремь. В погребениях № 13 и № 35 ножи располагались слева от тазовой кости; в погребении № 35 нож лежал рядом с оселком. На лезвии сохранились следы деревянного тлена, возможно, от ножен. Аналогичный нож с упором и кресало, происходят из разрушенного погребения в г. Краснодаре, которое автор относит к началу XIII в. [Зеленский, 1998, с. 141–142].

Оселки

В трех мужских погребениях вместе с ножами найдены каменные оселки. Все они

прямоугольные в сечении с отверстием для подвешивания у верхнего края (табл. 12, 5; табл. 13, 10; табл. 16, 1). В погребениях № 25 и № 35 оселок был расположен справа и слева от таза соответственно. В потревоженном погребении № 27 оселок обнаружен у правого плеча. В двух случаях оселки изготовлены из песчаника разной степени плотности, третий – из мягкого мергеля с мелкими включениями кварца.

Аналогичные оселки широко распространены в погребениях золотоордынского времени от Северо-Западного Кавказа [Алексева, 1971, с. 352, табл. 41а, 1] до Поднепровья [Горелик, 2004б, с. 296, рис. 3, 7]. В качестве ближайших аналогий можно привести экземпляры из Цемдолинского могильника [Армарчук, Малышев, 1997, с. 108, рис. 13, 23], погребения 2 в кургане 7 могильника Азаренский-1 [Баранюк, Сазонов, 2009, с. 92, ил. 265, 49], могильника Сидоренкова Щель под Новороссийском [Дмитриев, Дружинина, 2018, с. 446, рис. 1А], и в кургане Иль-2 [Яцюк, 2013, с. 161, рис. 2, 8].

Необычной формы оселки с зауженным и закругленным верхним концом и широким, прямо обрезанным нижним, аналогичные оселку из погребения № 27 были найдены в кургане № 7 Цемдолинского могильника [Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 33–34, рис. 54, 3] и в могильнике Сидоренкова Щель [Дмитриев, Дружинина, 2018, с. 446, рис. 1].

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Пряжки

Различные типы пряжек были найдены как в мужских (7 экз.), так и в женских (3 экз.) погребениях. Соотношение более чем 2 : 1 связано, вероятно, со специальным использованием пряжек в ременной гарнитуре вооружения.

Фрагментарно сохранившиеся круглые пряжки с круглым или уплощенным в сечении стержнем найдены в погребениях № 11, 15, 23, 25, 28, 36. Пряжки прямоугольной формы с прямоугольным или овальным

в сечении стержнем – в погребениях № 18 (2 экз.), 37, 40.

Целые экземпляры найдены в трех погребениях. В погребении № 6 была найдена железная пряжка с подквадратной рамкой с дуговидной передней стороной (табл. 4, 4). Задняя часть рамки, к которой крепился несохранившийся язычок, в сечении округлая. Здесь пряжка, вероятно, является частью портупейного набора сабли. Типологически она близка бронзовым пряжкам типа III группы I отдела Д по Г.А. Федорову-Давыдову [1966, с. 43, рис. 7, ДIII; 45].

В погребении № 37 у стоп погребенной женщины железная пряжка с квадратной рамкой и подвижным язычком (табл. 16, 7), относящаяся к типу I группы II отдела А по Г.А. Федорову-Давыдову [1966, с. 43, рис. 7, железные, AI; 46].

В погребении № 41 у правого тазобедренного сустава компактно лежали кремневый отщеп, обломки двух бронзовых колец и серебряная пряжка с квадратной рамкой (табл. 18, 2–4). Здесь, возможно, пряжка была частью сумочки, которая подвешивалась к поясу вместе с содержимым. В существующих классификациях мы не нашли пряжек аналогичной формы из серебра.

Прямоугольно-рамчатые пряжки широко распространены на территории Северного Кавказа в позднесредневековый период. Аналогичные изделия найдены на территориально близких и синхронных могильниках, а также в адыгских курганах Среднего и Восточного Закубанья, в Кабардино-Балкарии и Чечне, на восточном побережье Черного моря [Носкова, 2005, с. 188].

Костяные пуговицы

Всего в исследованных погребениях были найдены две костяные пуговицы. В мужском погребении № 25 массивная костяная пуговица круглой формы с круглым отверстием в центре лежала у правого тазобедренного сустава (табл. 12, 4). В женском погребении № 26 костяная пуговица уплощенно-

полусферической формы была найдена в верхней части поясничного отдела погребенной. Лицевая сторона заполирована, оборотная, плоская, не обработана (табл. 13, 3).

Подобные застежки с разными вариантами циркульного орнамента и насечек широко известны в раннем и позднем средневековье. Костяные пуговицы из могильника Аушедз можно отнести к отделу Б типа III по Г.А. Федорову-Давыдову [1966, с. 66, рис. 12, пуговицы костяные, BIII; 71]. Аналогичные застежки встречаются в курганных могильниках Сидоренкова Щель под Новороссийском [Дмитриев, Дружинина, 2018, с. 446, рис. 1А], Пришиб и Смелое на Северском Донце [Братченко и др., 2012, с. 112, рис. 55, 1–8].

Бронзовые пуговицы

Обнаружены в четырех мужских и двух женских погребениях. Преимущественно пуговицы располагаются вдоль позвоночного столба: от шеи до подвздошной области, – и, вероятно, использовались для застегивания верхней одежды. Все бронзовые пуговицы полые внутри, изготовлены из двух штампованных полусфер с тщательно обработанным горизонтальным швом спайки. Орнаментация однообразная: в нижней части полусферы один треугольник вписан в другой, или там же без орнамента сделан сосцевидный выступ. Диаметр пуговиц 0,8–1,4 см.

По форме и способу крепления петли для пришивания можно выделить несколько типов.

Тип 1. Петля из проволоки в один оборот припаяна сверху:

а) без орнамента – 1 экз. (табл. 7, 4а);

б) с сосцевидным выступом – 4 экз. (табл. 2, б);

в) с орнаментом в виде вписанных треугольников – 4 экз. (табл. 7, 4б; 16, 3, 4а).

Тип 2. Петля из проволоки в два оборота припаяна сверху:

а) орнаментом в виде вписанных треугольников и сосцевидным выступом в центре – 3 экз. (табл. 13, 5, 8)

Тип 3. Концы петли в один оборот, сведены, впущены в полусферу и разогнуты: без орнамента – 1 экз. (табл. 16, 4б).

Подобные пуговицы известны на территории Северо-Западного Предкавказья в XIII–XIV вв. По типологии Г.А. Федорова-Давыдова наши пуговицы относятся к отделу А типа II [Федоров-Давыдов, 1966, с. 66, рис. 12, пуговицы бронзовые, *АП*, 70].

Бусы

Бусы найдены в двух женских и двух детских погребениях.

В женском погребении № 10 две бусины лежали рядом в области грудной клетки. Первая крупная, бледно-синего полупрозрачного стекла, уплощенно-ромбической формы (табл. 5, 6). Вторая фаянсовая, биконическая, бледно-зеленого цвета (табл. 5, 5).

В детском, плохо сохранившемся погребении № 21 обнаружена бусина из глухого белого стекла бочковидной формы с валиками по краям. Её центральная часть украшена опоясывающим рядом X-образных фигур, образованных желобками, заполненными азуленовой стекловидной массой (табл. 10, 3).

Три фаянсовые бусины округлой формы происходят из женского погребения № 26. Они найдены в области шейных позвонков и левой половины грудной клетки. Одна из них целая (табл. 13, 6), две другие специально поломаны на части, сломы тщательно заполированы (табл. 13, 7). Предназначались ли эти поделки для вставки в какое-то изделие или для иных целей – не понятно.

Здесь же, у левого тазобедренного сустава, с внутренней стороны – обломок верхней части гагатовой подвески (табл. 13, 4).

Гагатовые подвески не относятся к числу украшений, часто находимых в захоронениях золотоордынского времени. Две ромбовидные уплощенные подвески были найдены на Селитренном городище [Полубояринова, 1991, с. 67, рис. 5, 6]. В погребении 13 могильника Золотаревка-3 такая же подвеска была найдена у шейных позвонков, что говорит

о ее использовании в качестве украшения [Бабенко, 2008, с. 161, 167–168, рис. 15, 5]. Верхняя часть гагатовой подвески была найдена у пояса женщины, погребенной в могиле № 26 могильника Аушедз (табл. 13, 4). Место находки и массивность самого изделия говорят о его использовании скорее в качестве амулета, нежели как украшения.

Плоская гагатовая подвеска близкой к трапецевидной формы со скругленными краями была найдена в области шейных позвонков погребенного в могиле 1 кургана 3 могильника Азаренский-1 [Баранюк, Сазонов, 2009, с. 73–74, ил. 223, 4].

В погребении № 31 Б, возле черепа ребенка, найдена сердоликовая бипирамидальная 7-гранная бусина удлиненной формы (табл. 14, 6). Погребение сопровождалось монетами середины XIV в. (см. Приложение 3).

Перстень и нашивная бляшка

В подростковом погребении № 17, на фаланге пальца левой руки – кольцо из круглой в сечении бронзовой проволоки в один оборот с несомкнутыми концами, диаметром 1,5 см (табл. 9, 7).

В этом же погребении на поясничных позвонках костяка найдена круглая бляшка из тонкой серебряной пластины (табл. 9, 5). Лицевая сторона украшена пунсоном, к оборотной – в центре припаяна петля для пришивания. Место находки бляшки в погребении говорит о том, что она была деталью пояса или одежды.

Височные кольца

Височные кольца, найденные в трех женских погребениях, как правило, находились у черепа, можно разделить на цельнолитые и пустотелые.

В погребении № 11 у погребенной Б два височных кольца, плакированные золотом, изготовлены из бронзового стержня в два оборота (табл. 6, 2). Аналогичное изделие из медного стержня без позолоты происходит из погребения № 39. Диаметр обоих колец около 2,0 см (табл. 17, 2). В могильнике-

Азаренский-1 пара таких колец была найдена в погребении 2 кургана 12 [Баранюк, Сазонов, 2009, с. 118, ил. 320, 36, 37].

У левой височной кости погребенной в могиле № 26 лежал обломок аналогичной бронзовой подвески, но изготовленной из пустотелой трубочки (табл. 13, 2б). Скорее всего, это обломок височного кольца, аналогичного кольцам из Цемдолинских погребений № 36 и 38, датированных XIII–XV вв. [Армарчук, Малышев, 1997, с. 106, рис. 15, 11; рис. 20, 3], и курганов того же времени могильника Сидоренкова Щель [Дмитриев, Дружинина, 2018, с. 447, рис. 1 Б].

ПРЕДМЕТЫ БЫТА

Ножи

Самой массовой категорией погребального инвентаря являются железные ножи, обнаруженные в 18 погребениях, т.е. ножи сопровождали каждого второго погребенного. Из описанных выше ножей три предположительно являются боевыми, а остальные – хозяйственными.

В могилах ножи располагались преимущественно в области тазового пояса, как справа, так и слева от погребенного, поскольку носились подвешенными на поясе. Десять ножей были найдены в мужских погребениях, шесть ножей в женских и 2 в детских захоронениях. Ножи из погребений № 14 (табл. 7, 6), № 22 (табл. 11, 2), № 31 (табл. 14, 7) и № 40 (табл. 17, 8) имеют сильно сработанные лезвия, что говорит о помещении в могилы ножей, использовавшихся в быту.

Все ножи с прямой спинкой и клиновидным в сечении лезвием по типологии Г.А. Федорова-Давыдова относятся к типу I [Федоров-Давыдов, 1966, с. 66, рис. 12, 6I, 85]. Подобные изделия широко распространены в кочевнических древностях.

Игольник

Единственный экземпляр игольника из трубчатой кости животного происходит из женского погребения № 23, где он распо-

лагался у правого крыла таза. Поверхность заполирована и орнаментирована тремя поясками неглубоких пересекающихся косых штрихов, образующих ромбы (табл. 11, 4).

Костяные игольники как с гладкой поверхностью, так и украшенные врезным орнаментом широко распространены в кочевнических древностях юга Восточной Европы. Их функциональное назначение не вызывает сомнений: в них часто находят остатки железных игл. Так, в междуречье Дона и Волги в курганном могильнике конца XIII – начала XIV в. Вербовый Лог-VIII в костяной трубке с циркульным орнаментом был обнаружен комплект железных игловок [Власкин и др., 2006, с. 52, 55, рис. 13, 3]. В могильнике Жукова в ряде погребений нашли игольники [Нечипорук, 2018, с. 155]. Так, из погребения 47 происходит экземпляр с прочерченным треугольным орнаментом, правда, по длине он более чем в два раза превышает игольник из Аушедза [Ларенок, Нечипорук, 2012, с. 348, рис. 1, 2].

Зеркала и их имитация, ножницы, шилья

Отдельно необходимо рассмотреть комплекс предметов из погребений № 11А и № 17. В погребении № 11А на костях голени правой ноги лежало разломанное на две части зеркало из оловянистой бронзы с центральной петлей и крестовидным орнаментом; бортик по периметру диска практически не выражен, но в некоторых местах поверхность к краю повышается. Диаметр зеркала 8,8 см (табл. 6, 5). Рядом, перекрывая часть диска, лежали железные пружинные ножницы, направленные острыми концами к черепу погребенной. Ножницы изготовлены из согнутого вдвое круглого в сечении прута с раскованным в широкую пластину местом сгиба (табл. 6, 6). Между лезвиями, в начале рабочей части, вертикально воткнут обломок круглого в сечении шила, длиной 3,2 см (табл. 6, 4).

Сакральная функция зеркал в погребениях не раз отмечалась исследователями ко-

чевнических древностей [Литвинский, 1978, с. 105–118]. Б.А. Литвинский также приводит примеры ритуального разбивания металлических зеркал перед их помещением в погребение. Частое сочетание ножниц с зеркалами с центральной петелькой отмечено в сарматских погребениях первых веков н.э. [Кривошеев, 2016, с. 129]. М.В. Кривошеев специально останавливается на их двойном – сакральном и косметическом – назначении. Пара «зеркало – ножницы» зафиксирована в Усухском кладе, обнаруженном в восточноевропейской лесной зоне. Здесь, по мнению С.В. Воронятова, они играли определенную сакральную роль [Воронятов, 2017, с. 319–320].

В погребениях зеркала зачастую связаны с острыми предметами как вооружения, так и быта, которые, согласно верованиям сибирских тюрок, используются в ритуале почитания доброй богини Умай [Плетнева, 1958, с. 205]. Оставление острых предметов в кроватке ребенка для защиты от злых духов зафиксировано у народов Сибири и в наше время [Алексеев, 1980, с. 54].

В погребении 2 кургана 12 синхронного курганного могильника Азаренский-1 прослежено сочетание трех предметов: зеркала, ножа и пружинных ножниц. Ножницы лежат выше черепа погребенной женщины, острием направлены к черепу. В паховой области железный черешковый нож, обращенный острием к стопам, а в области коленных суставов положено обломанное зеркало [Баранюк, Сазонов, 2009, с. 116, 118, ил. 320, 35, 38, 39].

Такое же сочетание предметов прослежено в Цемдолинском могильнике. Там в каменном ящике 2 кургана № 12 были положены рядом зеркало и ножницы [Армарчук, Дмитриев, 2014, рис. 29, 1; рис. 57, 28, 30]. Найденный в этом погребении нож [Армарчук, Дмитриев, 2014, рис. 57, 29] на плане, к сожалению, не указан [Армарчук, Дмитриев, 2014, рис. 29, 1].

В.П. Левашова отмечает в Белореченских курганах находки деревянных шкатулок с железными пружинными ножницами

и предметами, связанными с рукоделием и туалетом, которые обычно ставились в ногах [Левашова, 1953, с. 183]. Аналогичные пружинные ножницы происходят из курганного захоронения в могильнике у аула Шенджий [Носкова, 1991, с. 166–167, рис. 4, 1], из могильника Пшиш [Носкова, 2005, с. 191, 200, рис. 4, 8, 9], из кургана у селения Чегем II [Нагоев, 1980, с. 159, рис. 1, 6], из погребения в каменном ящике, раскопанного у горы Попова под Новороссийском [Шিশлов, 2001, с. 154, табл. 4, 2].

Пружинные ножницы относятся к типу I по Г.А. Федорову-Давыдову, имеют широкий ареал распространения и датируются в широком хронологическом диапазоне [Федоров-Давыдов, 1966, с. 66, рис. 12, 5I; 84].

Материалы Болгарского городища позволили Г.Ф. Поляковой выделить несколько типов и разновидностей зеркал эпохи средневековья. Зеркала с крестовидным орнаментом относятся к типу В-I-3 [Полякова, 1996, с. 216, рис. 69, 16; 223]. Из 13 подобных зеркал, найденных в Болгаре, по размеру с нашим сопоставимо только одно, остальные – меньшего диаметра – от 4,3 до 6,2 см.

Зеркало из Аушедза соответствует типу E1 типологии зеркал Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1966, с. 79, рис. 13, E1, 81]. Всего в работе 1966 г. было учтено пять экземпляров зеркал типа E1. Сейчас таких находок в синхронных могильниках учтено больше. Из новых находок можно назвать зеркала из погребения 2 кургана 20 на горе Сапун [Армарчук, 2003, с. 264, табл. 97, 26], из погребения № 34 Цемдолинского могильника [Армарчук, Малышев, 1997, с. 104, рис. 13, 11; с. 107] и из могильника Сидоренкова Щель [Дмитриев, Дружинина, 2018, 1A]. Зеркала типа E1 широко распространены в кочевнических древностях XI–XV вв. [Пьянков, Раев, 2002, с. 221, рис. 2, 1].

Таким же сакральным является, вероятно, набор предметов из погребения № 17. Здесь у подростка 12–15 лет между голенями, лежало воронковидно-вогнутое дно

стеклянного сосуда с подработанным местом слома (табл. 9, 6). Рядом, частично под стеклянным дном, находился острый железный предмет – шило (табл. 9, 3). По всей вероятности, дно сосуда, превращенное таким образом в диск, имитировало зеркало.

Сосуд, дно которого использовалось в захоронении, выдут из тонкого желтовато-зеленоватого стекла на полом кольцевом поддоне. Отличающиеся цветом стекла и технологией производства, стеклянные сосуды с вогнутым дном найдены на синхронных памятниках Северо-Западного Предкавказья – в погребении № 16 Цемдолинского могильника [Армарчук, Малышев, 1997, с. 100, рис. 8; с. 108] и в погребении № 27 могильника Пшиш [Носкова, 2005, с. 202, рис. 6, 1]. Такие изделия могли попасть к аборигенному населению Предкавказья из Генуэзских колоний, Малой Азии или с Ближнего Востока.

Кресала

Железные кресала, некоторые в комплекте с кресальным кремнем, обнаружены в шести погребениях, из которых пять мужских и одно женское. В погребении № 41 был найден только кресальный кремль, лежавший, вероятно, в сумочке: рядом с ним найдены обломки бронзовых колец и серебряная пряжка (табл. 18, 2–4).

Целые и слабо корродированные экземпляры были найдены в погребениях № 15, 38 и 40 (табл. 8, 2; табл. 16, 11; табл. 17, 7). Все они относятся к типу однолезвийных калачевидных кресал с прямоугольными или подквадратными в сечении стержнями и треугольным, вертикально вытянутым язычком, достигающим до прямых или загнутых наружу утолщенных или оформленных завитками концов. По классификации А.В. Евглевского и Т.М. Потёмкиной целые экземпляры из могильника Аушедз относятся к варианту 1 отдела I, в который выделены калачевидные кресала [Евглевский, Потёмкина, 2000а, с. 183, рис. 1, 1]. По мнению авторов, такие кресала характерны для Северного Кавказа [Евглевский, Потёмкина, 2000а, с. 183].

По типологии Федорова-Давыдова наши кресала можно отнести к типам БI и БII [Федоров-Давыдов, 1966, с. 84, рис. 12, кресала БI, БII], только на наших образцах присутствует длинный вертикальный язычок. Аналогичные кресала происходят из могильников в Цемесской долине [Армарчук, Малышев, 1997, с. 108, рис. 2, 10; рис. 14, 5; рис. 17, 7], Цемдолинского курганно-грунтового могильника [Армарчук, Дмитриев, 2014, погр. 1 и 2 кургана № 1: рис. 44, 11, 20; курган № 8, урны 1–3: рис. 54, 17, 18, 27; погр. 1 и 2 кургана № 12: рис. 57, 9, 31], разрушенного погребения в Краснодаре [Зеленский, 1998, с. 141, рис. 1, 3], из могильника МТФ-3 у ст. Старокорсунской [Голубев, 1997, с. 118, рис. 2, 22], могильника Азаренский-1 [Баранюк, Сазонов, 2009, с. 89, 92, ил. 265, 50; 96, ил. 275, 5; с. 114, 117, ил. 318, 2; 131–132, ил. 362, 1; с. 140, ил. 367, 4; с. 162, ил. 413, 18]. Авторы отмечают долгое существование этого вида кресал – с X по XV в. В некоторых комплексах Северо-Восточного Причерноморья их датировки удается ограничить XIII–XIV вв.

У кресала из погребения № 20 сохранилось только нижнее лезвие (табл. 10, 4), однако хорошо видно, что у этого кресала нет язычка, и оно относится к варианту 3 отдела I – по А.В. Евглевскому и Т.М. Потёмкиной [Евглевский, Потёмкина, 2000а, с. 185, рис. 1, 19].

В захоронениях могильника Аушедз кресала или кресальные кремни фиксировались справа от костей таза, что позволяет уверенно говорить о том, что их всегда носили подвешенными к поясу справа. В могильнике Азаренский-1 ситуация совершенно иная. В процентном отношении количество погребений с кресалами в обоих могильниках примерно равно, и в обоих могильниках кресала найдены только в мужских погребениях¹. При этом место находки кресал в могильнике Азаренский-1 не было устойчивым: лишь в одном погребении кресало найдено справа

¹ Исключение составляет женское погребение 20 с признаками погребальных манипуляций со скелетом.

от скелета, в трех погребениях – слева и в одном – у черепа.

Астрагал

В погребении № 7Б слева от плечевой кости погребенного лежал крупный астрагал, обернутый в 1,5 оборота круглым железным стержнем для придания ему веса (табл. 5, 2). Игральные кости широко распространены, начиная с эпохи бронзы до Нового времени. Возможно, утяжеленный альчик использовался в игре как бита. Известны способы увеличения веса с помощью залитого в просверленные отверстия свинца.

Глиняная посуда

Из комплекса происходит только один глиняный сосуд. В погребении 19 справа от черепа стоял лепной сосуд с горизонтальным линейным орнаментом и волнистой линией по плечу. Вторая волнистая линия опоясывает сосуд в придонной части, где не нанесен линейный орнамент (табл. 10, 2).

Остальная посуда происходит из разрушенных погребений и была передана местными жителями.

1. Гончарный горшок, аналогичный горшку из погребения 19, но без волнистой линии в придонной части (табл. 21, 5).

2. Лепная кружка с грубыми расчесами на поверхности и ломаным волнистым орнаментом по плечу (табл. 21, 1).

3. Гончарный красноглиняный кувшин (табл. 21, 3).

4. Красноглиняный гончарный кувшин с носиком-сливом, богато орнаментированный по всей наружной поверхности,

за исключением нижней $\frac{1}{3}$ высоты стенок (табл. 22). Близкие по форме сосуды, отличающиеся креплением верхнего прилепа ручки и богатством орнамента, из Шенджийского курганного могильника и случайно найденные в размытых памятниках южного берега Краснодарского водохранилища хранятся в фондах Государственного музея Востока [Носкова, 2016, с. 239, рис. 1, 1, 5; с. 240].

Формы и орнаментация лепной керамики находят прямые аналогии с кухонной посудой поселения Железнодорожное-2, датируемого концом XII–XIV в. [Василиненко, Тищенко, 2018, с. 217, 221, рис. 1, 8, 9, 11]. Аналогичные керамические сосуды можно найти преимущественно в ближайших регионах [Ловпаче, 1995, с. 114, табл. XXXII; ЛП, 99, 108, 269, 271].

Недостаточная разработанность хронологии раннесредневековой керамики Прикубанья не позволяет использовать ее для определения узких дат погребений. Однако аналогичная керамическая посуда, найденная в синхронных памятниках региона, свидетельствует о том, что могильник оставлен местным адыгским населением.

Таким образом, сходство керамических сосудов может служить важным этноопределяющим признаком. Следует отметить, что в орнаментике лепных и гончарных горшков сохраняются формы и орнаменты, характерные для хазарских памятников бассейна Северского Донца [Плетнева, 1981, рис. 47, 13, 15, 17; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 242–244, рис. 28, 1–3, 5–7; рис. 30, 4–8; рис. 32, 1–3, 6–8; рис. 33, 5, 7].